

Дмитрий Лужин, дирижер симфонического оркестра Государственной филармонии Алтайского края. Все фотографии Олега Ковалёва

Эпический стиль

текст **Олег КОВАЛЁВ**

В России отмечают юбилей великого князя Александра Ярославича Невского (1221-1263). Симфонический оркестр Государственной филармонии Алтайского края посвятил этому событию концерт, в котором прозвучали «Богатырская» симфония Александра Бородина и кантата «Александр Невский» Сергея Прокофьева

Восемьсот лет — срок очень большой, возможно, он уже за пределами самого понятия «юбилей», так как делает фигуру юбиляра практически мифологической. Сведения о князе Александре, его роли в истории России действительно очень сильно разнятся. Но мы находимся в плену официальной советской трактовки 1930 годов, отраженной в том числе в знаменитом фильме Сергея Эйзенштейна 1938 года. Представленное в фильме вооруженное противостояние новгородцев и рыцарей Ливонского ордена, настойчивое предупреждение в финале: «Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет» — было более чем понятно в 1938 году, но стало неуместным в 1939-м — вплоть до 1941-го, когда фильм вернулся в прокат.

Возможно, я не совсем справедлив к Эйзенштейну, но главной составляющей этого фильма мне всегда казалась музыка. Технически фильм устарел довольно быстро и сейчас, пожалуй, пребывает в тени великих немых картин

Надежда Гончарук, меццо-сопрано

Эйзенштейна. Но музыка не устарела, уже вскоре (преьера фильма состоялась 17 мая 1939 года) она шагнула с экрана на концертную эстраду, легко и естественно обернувшись кантатой, легкой и тяжеловесной одновременно, короткой и ясной концептуально — в чем, может быть, и состоит ее главная привлекательность.

Исполнение «Александра Невского» требует значительного количества музыкантов (солистка, хор и оркестр) и, как следствие, серьезных усилий со стороны провинциальных филармоний, но усилия эти окупаются производимым музыкой воздействием.

Оба включенных в программу концерта произведения — Вторая симфония Александра Бородина (1876) и кантата Сергея Прокофьева «Александр Невский» мало кем из слушателей (буду рад, если я ошибаюсь) могут быть отнесены к любимым музыкальным произведениям. Ведь это эпос, а эпический стиль с советских времен воспринимается как примета сугубо официального искусства. Ведь даже замечательная, свежая по музыке и классически стройная по форме симфония Бородина была присвоена большим советским стилем. И даже сейчас требуются определенные усилия, чтобы услышать лучшее, что есть в этой музыке, воспринять ее как открытие нового мира. Ведь эпический стиль так органичен для Бородина, а классическая симфоническая форма кажется здесь такой естественной и спонтанной. Даже привычное в этой связи понятие «монументальный» неуместно применительно к «Богатырской» симфонии. Кстати, название это не является авторским, оно было придумано критиком Владимиром Стасовым, яростным апологетом национального стиля в искусстве, хотя, конечно, было авторизовано Бородиным.

Безусловно, исполненная в этот вечер музыка заслуживает внимания сама по себе. Оба исполненных на концерте произведения относятся к лучшим образцам эпического стиля в русской музыке. Между ними приличная временная дистанция — примерно 60 лет. Практически это начало и конец монументального русского стиля. Свежесть, наивность открытия

Четыре хоровых коллектива заняли весь балкон филармонии

нового мира у гениального дилетанта Бородина и зрелость традиции у трезвого профессионала Прокофьева, умеющего делать именно то, что от него требуется.

Несомненно, при подготовке концерта музыканты основное внимание обратили на кантату Прокофьева. Во-первых, она действительно связана с князем Александром, а во-вторых, для ее исполнения потребовалось участие сразу нескольких музыкальных коллективов — соответственно, потребовалось больше внимания и напряжения на репетициях. Да и на самом концерте была неизбежна более высокая степень непредсказуемости.

Перечислим наконец всех, кто участвовал в концерте. Это Барнаульский академический хор имени Александра Тарнецкого под руководством Рафаэля Голямова, Губернаторский камерный хор Кузбасса под руководством Ольги Шабалиной, Мужской вокальный ансамбль ГФАК под руководством Александра Афанасьева, Академический хор Алтайского государственного института культуры под руководством

Юлии Никишиной, меццо-сопрано Надежда Гончарук и, конечно, симфонический оркестр ГФАК. Дирижировал Дмитрий Лузин. Надо отметить, что в исполнении кантаты Прокофьева все музыканты показали себя с лучшей стороны. Возможно, в определенной степени сказались энергия, темперамент и творческое горение дирижера Дмитрия Лузина. Я ни в коем случае не хочу умалить роль всех остальных участников этого замечательного концерта, но, согласитесь, от дирижера в этой ситуации зависит очень многое. Не знаю, как проходили репетиции, хотя представляю, как сложно, например, было уравновесить звучание оркестра на сцене и занявших весь балкон хоровиков. Понятно, что небольшая сцена нашего филармонического зала не могла вместить весь коллектив, необходимый для исполнения кантаты. А на концерте Дмитрий Лузин был своего рода энергетическим центром всего происходящего — той точкой, где здесь и сейчас собиралась, заново рождалась кантата Прокофьева. Хотелось бы также особенно отметить, стилистически точное, очень профессиональное исполнение Надеждой Гончарук песни Невесты.

Кантата «Александр Невский» — замечательное произведение. Замечательно оно в том числе своей вполне уместной тяжеловесностью, какой-то особенной зримостью и осязаемостью образов, плотностью музыкальной ткани — качествами, которые присущи многим другим произведениям Прокофьева 1920-1930 годов. Вспоминается эпизод «Монтекки и Капулетти» из балета «Ромео и Джульетта», сейсмические катаклизмы финала Третьей симфонии. В кантате Прокофьеву понадобился не просто конфликт, противостояние двух сил — потребовался национальный контраст. Прокофьев нашел достаточно простой и эффективный путь для выражения этого контраста, вполне соответствующий поставленной перед ним идеологической задаче — вражеское начало выражено в интонациях протестантского хора (хотя

здесь особенно важно само звучание латыни), а русское — в идущих от народных песен протяжных распевных интонациях, перемежающихся образами скоморошьего насмешливого веселья. Конечно, некоторая нарочитость, почти утрированность этой национальной специфики делает сочинение Прокофьева в этой части несколько похожим на лубок.

Мне кажется, что на концерте в Барнауле кантата раскрылась как-то по-особому — в ее предельной экспрессии, напряженности. Первые же мощные аккорды заполнили небольшой зал нашей филармонии и завладели слушателями, не оставляя их до самого конца концерта. Чувствовалась какая-то особенная суггестивная сила в музыке Прокофьева, а ее образность порой доходила до уровня фантома.

Музыка Прокофьева писалась для фильма, и ее образность — непосредственное продолжение визуальной образности фильма Эйзенштейна, но эта музыка уже давно доказала свою самостоятельность. Тем не менее организаторы концерта решили предложить слушателям концерта видеоряд — соответствующие фрагменты из фильма Сергея Эйзенштейна, для которого была написана музыка первоначально. На мой взгляд, этот видеоряд не был лишним. Конечно, музыка Прокофьева образна сама по себе, но кому-то из молодых слушателей, вполне возможно, никогда не смотревших фильма, этот видеоряд помог конкретизировать впечатления, да и просто указал на первоисточник музыкальной образности (ведь это музыка писалась под фильм, а не фильм создавался под музыку).

Остается лишь пожалеть о свободных местах в зале, о том, что замечательный концерт по тем или иным причинам смогли посетить далеко не все, кто смог бы его оценить, а нашим музыкантам пожелать новых интересных, захватывающих проектов, качественной игры, творческого горения и, конечно, достойного вознаграждения за свою работу. ❧

Вiolончельная группа симфонического оркестра ГФАК